

Михаил Михайлович ШТРАНГЕ

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794 годов и РАЗНОЧИННЫЕ СЛОИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Исторические записки. Вып.39. С.98-120.

М.: изд-во АН СССР. 1952

Веб-публикация: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В нашей библиотеке можно прочитать книгу М.М.Штранге
«Русское общество и Великая французская революция»
(М.: изд-во АН СССР. 1956)

<http://enlightment2005.narod.ru/science/schtrange.pdf>

или <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm#more2>

I

Последнее десятилетие XVIII в ознаменовалось историческими событиями во Франции, приведшими к победе буржуазной революции и утверждению капитализма в Европе. Эта победа явилась самым главным «в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до Октябрьской революции в России»¹. Вот почему победа революции во Франции «не могла не потрясти до основания всей остальной самодержавной, царской, королевской, полуфеодальной Европы»². Неудивительно, что события во Франции вызвали общественный подъем среди прогрессивно настроенных слоев населения всех других стран Европы.

Буржуазные историки сознательно отрицали сочувствие широких слоев населения России революционным событиям во Франции, ссылаясь на политическую и экономическую отсталость России. Они считали, что только среди той части дворянства, которая была воспитана на просветительных идеях французских философов XVIII в., могли найтись люди, которые способны были заинтересоваться ходом революции во Франции и сочувствовать ей. Необоснованность таких доводов была уже неоднократно вскрыта советскими историками.

Мы собрали в московских архивах и книгохранилищах фактический материал, характеризующий отношение к событиям во Франции не только указанной части дворянства, но и других слоев русского общества.

Во второй половине XVIII в в России стали проявляться признаки разложения феодально-крепостнического строя и формирования нового капиталистического уклада. В деревне этот процесс сопровождался усиленным развитием оброчной системы. Последняя давала возможность крестьянам заниматься различными промыслами, что способствовало расслоению сельской общины. Крестьяне-ремесленники искали сбыта для своих изделий в городе, где они также закупали необходимое им сырье. Среди них стали появляться торговцы и скупщики, служившие посредниками между сельским производителем и городским рынком. Появились крепостные-торговцы, а к концу века — и крепостные-фабриканты, платившие тысячи и десятки тысяч рублей за свой выкуп³. Уход зажиточного крестьянства в город становится обыденным явлением в

¹ И Сталин, С Киров, А Жданов. Замечания о конспекте учебника новой истории — Сб «К изучению истории», М, 1946, стр 24

² В И Ленин. Соч, т 24, стр 364

³ К Н Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, М, 1947, стр 110, 355

конце XVIII в. Современники свидетельствуют о «множестве земледельцев, оставивших соху и взявшихся за аршин, торгующих в лавках по знатным городам, а паче по столицам..., и таскающихся с товарами по рынкам, по улицам и по домам»¹.

Сотнями и тысячами шли крестьяне на фабрики и заводы, в услужение к владельцам торговых предприятий.

По мере развития кустарных промыслов, внутреннего рынка и промышленности росло и городское население, достигшее к 1794 г. 2279 тыс. чел.², причем Петербург и Москва вместе насчитывали свыше 450 тыс. жителей. Вместе с ростом городского населения в нем происходит процесс классового расслоения. Кроме дворян и духовенства, городское население к концу XVIII в. включало торговцев и промышленников, служащих из мещан, разночинную интеллигенцию: учителей, врачей, стряпчих, переписчиков и т. д., ремесленников различных категорий и, наконец, людей, работавших по найму: разорившихся кустарей, мастеровых, крестьян на отходе, чернорабочих из беглых солдат и крепостных и прочих неимущих лиц.

Одновременно с ростом городского населения повышался и культурный уровень горожан, о чем красноречиво свидетельствуют данные о книгопечатании в России: за 50 лет — с 1750 по 1800 г. было издано 7922 названия книг и 111 названий различных периодических изданий, причем более половины названий (5345) падает на последние 20 лет (с 1780 по 1800 г.)³. Значительная часть этих книг и журналов принадлежала перу крепостных, однодворцев, мещан, обедневших дворян, в общем «мелкотравчатых людей», которые «проводят день и ночь за книгой и платье носят конопляного цвета, поистаскавшееся и обветшалое»⁴, и «в поте лица своего переводя и сочиняя для книгопродавцев и печатальщиков книги из самой бедной платы для избежания голодной смерти»⁵. В городах создается разночинная интеллигенция, которая не только читает, но и сама пишет, изучает иностранные языки, переводит и издает книги, рассчитанные на свой круг читателей, зачастую вступающих в оппозицию к господствующей дворянской, крепостнической идеологии. К печатному слову потянулись мелкие служащие, розничные торговцы, мещане, ремесленники, однодворцы, грамотные крестьяне. Писатель из крепостных Матвей Комаров свидетельствует: «нынче любезные наши граждане не только благородные, но средней и низкой степени люди... весьма охотно в чтении всякого рода упражняются»⁶.

В последние десятилетия XVIII в. в Петербурге и Москве, как и в провинции, открываются частные типографии и публичные библиотеки, где за небольшую сравнительно денежную плату выдавались книги на дом⁷. «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» 1780—1790-х годов испещрены объявлениями о продаже книг и даже целых библиотек, состоявших из «французских и русских книг до тысячи томов»⁸. Многие простые люди живо интересовались печатным словом и

¹ И. И. Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великого. т. III, М., 1790, стр. 450.

² П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1950, стр. 404.

³ В. В. Сиповский. Из истории русской литературы. Опыт статистических наблюдений, СПб., 1901, стр. 44—46.

⁴ «И то и сё», СПб., 1769, 48-я неделя.

⁵ М. И. Антоновский. Записки — «Русский архив», 1885, т. I, стр. 161.

⁶ М. Комаров. Ванька Каин, М., 1788, предисловие.

⁷ В. Е. Васильченко. Очерки истории библиотечного дела в России XI—XVIII вв., М., 1948, стр. 121, 124.

⁸ См., например, «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 37, стр. 231.

создавали свои личные собрания книг. К концу века прочно устанавливается определенный круг читателей, образованных людей из разночинной среды, которые являлись постоянными потребителями книжного рынка. Спрос на книгу «низовых» читателей перерастает возможности тогдашних типографий. Некоторые из разночинцев зарабатывают себе на жизнь, переписывая от руки наиболее ходкие издания.

Гостиный двор как в Петербурге, так и в Москве становится не только торговым, но и культурным центром, где книга приобретает значительный спрос. Об этом ярко свидетельствует рост книжной торговли, которая в основном была сосредоточена в гостином дворе. В Петербурге, где в 1768 г. существовала всего лишь одна книжная лавка, за последние 30 лет XVIII в. их открылось 29. В Москве за тот же период начали торговать 20 новых книжных магазинов¹. В эти годы было положено начало крупнейшим русским книжным фирмам Глазуновых, Кольчугиных, Плавильщиковых; некоторые из них уже тогда имели свои магазины в обеих столицах. В книжную торговлю оказались втянутыми не только купечество, но и менее состоятельные слои городского населения: мещане, рабочие типографий, грамотные крестьяне, торговавшие книгой в розницу. О характере массового спроса того времени мы имеем свидетельство Н. И. Новикова, писавшего, что «сочинения, попавшие на вкус мещан наших, у нас третьим, четвертым и пятым изданием печатаются», другие же книги, «на вкус мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах»². О том, что именно отвечало вкусу простых людей, свидетельствует И. А. Крылов. В 1789 г. он писал, что если дворянство предпочитает легкую литературу, то «купцы и мещане» читают книги по политике, экономике, праву³.

Современники ярко рисуют настроения разных слоев населения в Петербурге и Москве в период формирования капиталистического уклада. Купцы «хотят быть равными вельможам и не уважают заслуг, потому что денежные..., фамильярно обходятся с чиновными особами и подражают им»⁴. Ремесленники «всех толкают, нимало не уважают тех, которые имеют честь носить их работы бабмаки и кафтаны»⁵. Холопы, т. е. низшие слои населения, «смеют не только с заслуженным мужем, даже с носящим на себе знаки отличия, говорить не снимая шляпы»⁶. Московский мещанин Г. И. Попов писал в 1792 г. «не созданы князья, цари, императоры, государи, бояре, вельможи и прочие сановники, а созданы люди: все, носящие указанные титулы, тоже только люди, и титулы им присвоены другими людьми, а между тем человек у человека стал изнуренным невольником, один продает другого как продают скот»⁷.

Страницы журналов, имевших наибольшее распространение среди разночинной интеллигенции, — «Почты духов» (1789) и «Зрителя» (1792) пестрят завуалированными изобличениями крепостного строя, дворянских нравов, произвола властей.

К этому времени Московский университет вырастает в крупный центр по распространению науки и культуры, где представители непривилегированных слоев населения составляют значительную часть учащихся и

¹ «Книжная торговля», М, 1925, стр. 98.

² «Живописец», предисловие к 3-му изданию, М, 1775

³ «Почта духов», ч 2, СПб., 1789, стр. 24—25.

⁴ В. А. Левшин Послание русского к французюлюбцам, СПб., 1807, стр. 38.

⁵ «Сатирический вестник», ч 4, М, 1790, стр. 69—70

⁶ В. А. Левшин. Указ соч., стр. 39.

⁷ К. Сивков Г. И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России конца XVIII века — «Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 82

почти весь преподавательский состав. В университетских аудиториях читают лекции выдающиеся молодые ученые: сын священника, правовед, автор многих научных трудов С. Е. Десницкий, сын подьячего, известный философ-материалист Д. С. Аничков и многие другие. Все они активно участвуют в общественной жизни столицы, организуют публичные лекции, устраивают общедоступные диспуты между студентами, обсуждают актуальные вопросы истории, философии, естествознания, законодательства и зачастую решают их в духе просветительных идей того времени.

В Петербурге представители разночинной интеллигенции создают литературно-политические кружки, в которых уже раздаются протесты против феодально-крепостнической действительности. В «Обществе вольном к благоденствию», основанном в 1786 г. служащим из мещан публицистом-революционером Ф. В. Кречетовым, насчитывается около 40 человек. Ряд литераторов-разночинцев вместе с И. А. Крыловым группируется вокруг редакции журнала «Утренние часы», издававшегося в 1788 г. известным пропагандистом просветительных идей И. Г. Рахманиновым. Все они связаны с «Обществом друзей словесных наук», руководящее ядро в котором составляли бывшие студенты Московского университета, работавшие в Петербурге на различных мелких чиновничьих должностях.

Великий русский революционер-мыслитель А. Н. Радищев участвовал в литературных работах «Общества друзей словесных наук». Он печатался в журнале «Беседующий гражданин», издававшемся «друзьями словесных наук» и в значительной мере руководил их идейным формированием. Своей деятельностью Радищев выдвинул русскую революционную мысль в первые ряды общемирового прогрессивного движения, поставив вопрос о праве народа на насильственное свержение самодержавия и крепостничества, о законности народного мщения. В своих требованиях экономических, социальных и политических преобразований он опередил западноевропейских просветителей, разоблачив реакционную суть «просвещенного абсолютизма» и признав народ единственным законным носителем власти. Все творчество Радищева, рожденное русской действительностью и преисполненное глубоким революционным духом, оказало огромное воздействие на формирование и укрепление демократического мировоззрения в прогрессивных слоях русского общества.

В то же время в Москве разворачивается громадная по своему значению и размерам прогрессивная деятельность Н. И. Новикова. В отличие от Радищева, Новиков избирает путь мирной общественно-просветительной работы. Опираясь в основном на университетские круги разночинной интеллигенции, он организует огромное для своего времени издательское дело, дававшее свыше одной трети всей книжной продукции России, преследовавшее главным образом просветительные цели и рассчитанное на удовлетворение потребностей широких слоев городского населения. Благодаря неустанной работе Н. И. Новикова, открывается публичная библиотека, создается целая сеть книжных магазинов и лавок, устанавливается предварительная подписка на периодические издания, налаживается пересылка книг в провинцию. Для осуществления всей этой кипучей деятельности Новиков собирает необходимые кадры сотрудников — писателей, переводчиков, книготорговцев, типографщиков и т. д., среди которых можно было встретить профессоров Московского университета, преподавателей духовных семинарий, книготорговцев Москвы, Петербурга, Киева, Казани, Тамбова и т. д. Для Новикова работали десятки переводчиков, которым он платил «с каждого печатного листа

условную цену»¹; основное ядро составляли студенты Московского университета — их было более 40 человек². Большинство из них являлись представителями средних и низших слоев населения, дети мещан, церковнослужителей, солдат, впоследствии ставшие писателями и публицистами.

Не ограничиваясь наблюдением и изучением русской действительности, передовые слои русского общества знакомились с общеевропейской политической обстановкой того времени. Большое значение приобретала переводная литература, и в первую очередь французская. Интерес к ней проснулся еще в 60-х годах XVIII в. и увеличивался по мере нарастания внутреннего кризиса во Франции. Десятки переводчиков-разночинцев переводили все сколько-нибудь значительное, появлявшееся на Западе. Выбор книг для переводов указывает прежде всего на большой интерес русского читателя к социально-политическим вопросам, к просветительной философии. Все предреволюционные мыслители французской буржуазии пользовались в России широкой известностью; Вольтер был чуть ли не так же популярен в России, как и во Франции. Переводчик-разночинец Винский свидетельствует, что не только в барских домах, но и в «состояниях низших» сочинения Вольтера «читались с крайней жадностью»³. Статс-секретарь Екатерины II Г. Н. Теплов жалуется, что «на гостином дворе... сии людишки», т. е. мещане, «вменяют себе в стыд не быть с Вольтером одного мнения»⁴. Кроме трудов Вольтера и энциклопедистов, переводились произведения и других радикальных мыслителей революционно настроенной буржуазии: Руссо, Мабли, Рейналя, Мерсье; зачитывались и сочинениями Лесажа, Мармонтеля, Бомарше.

Интерес передовых русских людей к демократическому и революционному движению на Западе свидетельствует о том, что они находили в этом движении идеи, созвучные с их собственной политической и социальной устремленностью. Именно эти идеи будили в них живой интерес к политическим событиям, которые с такой быстротой нарастали во Франции в 80-х годах XVIII в.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что развитие новых производственных отношений несло с собой раскол городской общины. Торгово-промышленный класс, не участвовавший непосредственно в производстве и использовавший вольнонаемную рабочую силу, извлекал некоторые выгоды из феодальных привилегий и претендовал на ряд из них. Естественно, что его стремление к социальным и политическим преобразованиям оставалось в рамках буржуазной монархии, обеспечивающей неприкосновенность личной собственности. Тем временем менее обеспеченные слои трудящихся разночинной интеллигенции вместе с ремесленниками, мелкими торговцами и пришлыми группами крестьян, терпевшие гнет со стороны дворянства и предпринимателей, явились носителями наиболее радикальных, демократических идей, выразителем которых и был Радищев, призывавший силой завоевать свои гражданские права.

И

Две существовавшие тогда газеты — «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», выходившие два раза в неделю, чуть ли не в каждом своем очередном номере помещали пространные корреспонден-

¹ И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, М., 1866, стр. 46.

² Л. Я. Фридберг. Николай Иванович Новиков — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. IV, М., 1947, стр. 63.

³ Г. С. Винский. Мое время, СПб., 1916, стр. 145.

⁴ Д. И. Фонвизин. Соч., СПб., 1852, стр. 523—524.

ции из Парижа, благодаря чему русский читатель мог быть осведомлен о развивавшихся во Франции событиях и внимательно следить за ними. Об интересе, который эти события вызывали у русского читателя, свидетельствует Н. М. Карамзин, говоря, что «едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возросло, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет, но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель»¹. Карамзин рассказывает, что ему привелось знать пятерых мелких торговцев, подписавшихся на одну газету. Из них один лишь был грамотен и читал ее вслух, а другие его слушали.

В этих условиях становится понятным так часто вызывавшее сомнение у буржуазных историков свидетельство французского посла в России графа Сегюра о том, что «хотя Бастилия не угрожала ни одному из жителей Петербурга, трудно выразить тот энтузиазм, который вызвало падение этой государственной тюрьмы и эта первая победа бурной свободы среди торговцев, купцов, мещан и некоторых молодых людей более высокого социального уровня»². Он добавляет, что люди посреди улиц обнимались, поздравляя друг друга, точно их освободили от тяжелых уз.

Вообще, с первых же дней французской буржуазной революции сведения о ней стали поступать в Россию различными путями, и их было достаточно, чтобы создать у современников ясное представление о ходе политических событий во Франции.

Обе русские газеты помещали в каждом своем номере подробные сведения о положении во Франции, отводя им первое место на своих страницах. Печатался богатый материал в виде сообщений из Парижа о «бурных многоглаголиях»³ и «великих прениях»⁴, происходивших на заседаниях Учредительного собрания. Приводились почти дословно наиболее яркие выдержки из выступлений Мирабо, Байи, Барнава и других «любимцев мятущегося народа»⁵. В этих сообщениях говорилось об уличных происшествиях, «о частых собраниях народа в саду королевского дворца», где ораторы «поощряют чернь к великим противу аристократов наглостям»⁶, о событиях 6 октября 1789 г., когда «великое множество черни, копьями вооруженной, и толпы баб влекли за собою пушки и прочие военные снаряды»⁷ и шли на Версаль, о «торжестве французской вольности, или утверждении всеобщего союза»⁸, имевшего место на Марсовом поле. Давалось подробное содержание наиболее важных постановлений Учредительного собрания — о создании буржуазной гражданской гвардии, о ликвидации феодальных повинностей, об отмене привилегий дворянства, «приведших его в крайне унижительное равенство с теми, кои нынешнюю законодательную власть поддерживают»⁹. Целые столбцы газет посвящались дословному переводу всех 17 статей Декларации прав человека. Этот документ, гласивший, что «все люди рождаются вольными и в совершенном в рассуждении прав равенства»

¹ «Вестник Европы», 1802, № 9, стр. 58—59.

² Comte de Ségur. Mémoires ou souvenirs et anecdotes, t. III, Bruxelles, 1826, стр. 576.

³ «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 98, стр. 1561.

⁴ «Московские ведомости», 1790, № 43, стр. 607.

⁵ «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 62, стр. 974.

⁶ «Московские ведомости», 1790, № 33, стр. 473.

⁷ «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 88, стр. 1386.

⁸ Там же, 1790, № 63, стр. 1020.

⁹ «Московские ведомости», 1790, № 58, стр. 792.

и что «права сии суть: вольность, собственность, безопасность и противоборство угнетению»¹, звучали особенно резко на страницах русской печати в условиях самодержавно-крепостнического строя.

С первых же дней революции как «С.-Петербургские ведомости», так и «Московские ведомости» подчеркивали социальный характер событий, происходивших во Франции. «С.-Петербургские ведомости» писали о наличии «двух противоборствующих сообществ» в Учредительном собрании: «Первое и многолюднейшее заседает по левую руку от председателя и называется бешеным или простонародным... другое же, не столь великое, именуется вельможным или черноризным, потому что имеет многих сочленов из духовенства»².

Борьбе этих партий была посвящена большая часть печатавшихся сообщений. Расхождения, которые с первых же дней возникли среди депутатов третьего сословия, также нашли свое отражение на страницах русской печати, где проводилась резкая грань между «мещанами и мещанской чернью», которая «шумит и буйствует»³, тогда как «большая часть мещанства тамошними беспорядками крайне недовольна»⁴.

Обе газеты давали сведения о полицейских мерах, предпринятых буржуазией для подавления народного революционного движения в стране. Говорилось о «дерзости писателей, рассеивающих в народе всякое утро великое множество печатных возмутительных сочинений»⁵. Ряд страниц отводился сообщениям, связанным с решением Учредительного собрания об аресте Марата, «которого взяла под свое покровительство часть города, именуемая францисканскою»⁶.

Начиная с 1 января 1790 г. в Москве при университете стало выходить новое ежемесячное издание «Политический журнал», посвященное «важнейшим политическим нынешнего времени происшествиям»⁷. В редакционной статье издатели подробно освещали весь ход событий во Франции за прошедший год и, характеризуя общеевропейскую обстановку, писали, что «в 1789 году весь свет потрясен был столь сильно, что везде открылись чрезвычайные движения и произошло в Европе начало новой эпохи человеческого рода»⁸. На последующих страницах журнала ежемесячно давался обстоятельный обзор происшествий во Франции и отводилось значительное место сообщениям о распространении «воинственного духа свободы» и на другие западноевропейские страны, причем указывалось, что «везде мещанство и крестьяне стараются ограничить своих государей и уменьшить их могущество»⁹.

Наряду с этим богатым материалом, который печатался на страницах столичных газет и журналов, русский читатель имел в своем распоряжении большой выбор подлинных документов революции: на полках книжных лавок Петербурга и Москвы можно было найти множество изданий, выходивших во Франции в виде книг, политических памфлетов, брошюр, журналов, эстампов, карикатур самых различных политических направлений. По свидетельству московского губернатора П. Лопухина,

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 74, стр. 1163.

² Там же, 1790, № 31, стр. 486.

³ Там же, 1789, № 65, стр. 1024.

⁴ «Московские ведомости», 1790, № 46, стр. 646.

⁵ «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 65, стр. 1025.

⁶ «Московские ведомости», 1790, № 16, стр. 232.

⁷ Там же, № 20, стр. 298. Это был перевод на русский язык журнала, издававшегося в Гамбурге «обществом ученых мужей».

⁸ «Политический журнал», 1790, т. 1, стр. 3.

⁹ Там же, стр. 7.

относящемуся к 1790—1791 гг., «никогда столько ввозимо иностранных к книгопродавцам книг не было, как ныне»¹.

В Петербурге у Ридигера продавались такие издания, как «Парижские революции», боевой орган демократических кругов, основанный в Париже 12 июня 1789 г. типографщиком Прюдоном, выступившим против «создания новой аристократии богачей» и против лишения избирательных прав неимущих слоев населения. На страницах этого журнала давалось подробное изложение всех революционных событий, происходивших в Париже и в Версале, и был выдвинут прогремевший по всей Франции лозунг: «Вельможам нам кажутся великими только потому, что мы на коленях. Так встанем же!». Там же можно было купить и другой печатный орган первых дней революции: «Письма графа Мирабо к его избирателям», начавший выходить в Париже 10 мая 1789 г. под редакцией Мирабо. В этих письмах приводились подробные данные о прениях в Генеральных штатах, печатались тексты выступлений революционных ораторов, а в последнем номере от 17 июля 1789 г. дословно приводилось известное обращение Мирабо к королю о выводе войск².

У братьев Ге, торговавших одновременно в Петербурге и в Москве, имелись комплекты прославившегося в Париже периодического издания Камилла Демулена с высокопарным названием: «Революции Франции и Бранта и тех королевств, которые, потребовав Национального собрания и приняв кокарду, заслужат место в летописях свободы». Журнал, начавший выходить в ноябре 1789 г., изобиловал язвительными нападками на двор и правых членов Национального собрания. Каждый номер сопровождался злободневными карикатурами, имевшими огромный успех у парижан. Кроме того, у братьев Ге можно было приобрести и различные политические памфлеты, ходившие в те дни по рукам во Франции: памфлет Мирабо «О свободе печати», Дизо «О национальном восстании и взятии Бастилии» и другие³.

В книжной лавке Эверса, у Синего моста в Петербурге, также имелось много «новых книг касательно бывшего в Париже мятежа», где, наряду с «Кратким описанием парижских революций с 12 по 22 июля 1789 г.», продавались такие брошюры, как «Последний крик чудовища», «Парижские дни или триумф Франции», «Размышления г. Линге» и т. д.⁴ У Клостермана в каталоге на 1790 г. значится много изданий, печатавшихся в революционном Париже, среди которых встречаются и такие, как трехтомный «Обзор основных сочинений о Генеральных штатах» или «Общий характер и особенности созыва и ведения Национальных ассамблей с приложением подлинных документов» и т. д.⁵

В Москве у Куртене, торговавшего на Ильинке, имелись почти все те же книги, что и в Петербурге⁶; в объявлениях на 1790 г. он сообщал, что «кроме этих новинок в той же книжной лавке имеется значительная коллекция эстампов, изображающих взятие Бастилии, аллегорических карикатур, портретов и т. д. ...»⁷

Нет сомнения, что весь этот документальный материал о революции в значительной степени был доступен не только лицам, владевшим

¹ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 2797, л. 7.

² Там же, разр. XVI, д. 582, ч. IV, л. 131.

³ Там же, л. 132.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 1790, № 7, стр. 97.

⁵ «Catalogue des livres français qui se vendent chez Germain Klostermann», S. Pétersbourg, 1790.

⁶ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, д. 582, ч. IV, л. 130.

⁷ «Московские ведомости», 1790, № 42, стр. 597.

французским языком, но также мог проникать в более широкие круги русского общества, особенно если принять во внимание установившийся в конце XVIII в. обычай широко пользоваться рукописной литературой. Многие переводчики и литераторы «надрывались выбирать любопытнейшее и трудились неленостно»¹, переводя «из самой бедной платы»² все, что являлось наиболее ходким товаром на книжном рынке гостиного двора. Если переводчик «Вольтеровых заблуждений» в 1792 г. писал, что «письменный Вольтер у нас известен столько же, как и печатанный»³, то гораздо более злободневная литература, непосредственно связанная с событиями французской революции, тем более должна была возбудить к себе интерес русского читателя и служить предметом спроса.

Современники рассказывают, что «революция во Франции занимала тогда все умы»⁴, что «революционные события были ежедневным предметом разговоров и жарких споров»⁵. Очевидцы свидетельствуют, что «французская революция имела в России, как и в других местах, много приверженцев»⁶, что «вольноглаголанье о власти самодержавной [стало] почти всеобщим, и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалилось примером Франции»⁷. Крылатые фразы о свободе, о равенстве, о правах человека, которые раздавались на трибуне Национального собрания и в парижской печати, повторялись среди прогрессивных слоев населения Петербурга и Москвы, где их «заучивали наизусть»⁸. Очевидно, подобные явления не были редкими: Ф. Ф. Вигель рассказывает, что «цитаты из священного писания, коими прежние подьячие любили приправлять свои разговоры, заменились в устах их изречениями философов XVIII века и революционных ораторов»⁹.

В отличие от либерального дворянства, передовые люди непривилегированных слоев городского населения воспринимали революцию не с ее внешней стороны: они не носили модных жилетов и круглых шляп, как это делала дворянская молодежь, и не вздыхали над «Бедной Лизой», где воспевались «свобода» и «равенство» чувств. Один из издателей «Зрителя», П. И. Плавильщиков, брат книготорговца, писал по этому поводу, что нужно уметь «отличать глагол „понимать“ от „перенимать“»¹⁰. Он критиковал модное среди столичных дворян увлечение внешней стороной просветительных идей. Насмехаясь над попыткой русских дворян — сентименталистов изобразить жизнь крестьянства в виде пасторальной идиллии, И. А. Крылов дает яркую картину крепостнической действительности, изображая «сельского пастушка» грязным и босым, размачивающим «в ручейке черствую корку хлеба, чтобы легче было ей разжевать», в то время как «счастливая пастушка» отправилась «в город с возом дров и с последней курицей, чтобы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимою от холодных утренников»¹¹.

¹ Г. С. Винский. Указ. соч., стр. 121.

² М. И. Антоновский. Указ. соч., стр. 161.

³ «Вольтеровы заблуждения», СПб., 1792, предупреждение, стр. II.

⁴ Comtesse Edling. Mémoires, Moscou, 1888, стр. 4.

⁵ Д. И. Свербеев. Записки, т. I, М., 1899, стр. 411.

⁶ «Архив Воронцова», т. XVIII, стр. 44 (письмо В. П. Кочубея от августа 1792 г.).

⁷ «Былое», 1906, январь, № 1, стр. 18 (письмо Самбровского от 1790 г.).

⁸ С. F. Ph. Masson. Mémoires secrets sur la cour de Russie..., t. I, Amsterdam, 1800, стр. 165.

⁹ Ф. Ф. Вигель. Записки, т. II, М., 1864, стр. 26.

¹⁰ «Зритель», СПб., 1792, ч. I, стр. 168.

¹¹ Там же, ч. 2, стр. 289.

Появление в мае 1790 г. книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» было огромным событием в политической жизни передовых слоев городского населения России. По глубине и богатству содержания, по революционной целеустремленности и беспощадной правдивости эта книга явилась маяком для всех прогрессивных людей своего времени. В ней Радищев с поразительной четкостью, смелостью и прямоотой поставил перед своими современниками наиболее наболевшие вопросы о соотношении «естественного права» с русской действительностью и безоговорочно осудил весь самодержавно-крепостнический строй в целом, это «чудище обло, озорно, огромно, стозовно и лайй». Впервые подобные вопросы поднимались открыто и рассматривались с точки зрения непривилегированных классов. Впервые надежды на разрешение этих вопросов возлагались не на «просвещенного монарха», «философа на троне», а на народ, который только один может уничтожить иго помещиков, этих «варваров», «кровопийц», и свергнуть навсегда самодержавие. Только народ является источником власти, имеющим право «на плаху возвести царя». Устанавливая законность народного мщения и насильственного свержения тирании помещиков и царя, Радищев вместе с тем выражает глубокую веру в созидательные силы революции, в народ, из среды которого выйдут «великие мужи для заступления избитого племени» (дворян) ¹.

Сразу же после своего появления «Путешествие из Петербурга в Москву» привлекло к себе «великое любопытство публики» ². Книготорговец Зотов свидетельствует, что «сию книгу многие стали спрашивать» ³. При дворе сочинение Радищева было принято, как «набат, призывавший к революционному взрыву» ⁴. В нем был усмотрен «тон Мирабо и других бешеных Франции» ⁵.

«Происшествия во Франции,— писал граф А. Р. Воронцов в январе 1791 г.,— заставляли правительство быть особенно бдительным, чтобы предупредить появление зародышей подобных безумств и ужасов [в России]» ⁶. Екатерина сразу же оценила автора «Путешествия...» как «бунтовщика хуже Пугачева» ⁷, которого французская революция «решила себе определить в России первым своим подвизателем» ⁸.

Правительство всячески стремилось пресечь действие в России «бунтарского духа», в наличии которого оно уже не сомневалось. Еще в апреле 1790 г. в царских рескриптах сообщалось «о заведении в Париже особого клуба», члены которого «положили в основание стараться распространять разврат свой повсюду», о необходимости за подозрительными «иметь весьма прилежное, но неприметное наблюдение, не происходит ли от них что-либо вредное и непристойное», и, наконец, приказывалось «полиции не позволять и не терпеть никаких тайных собраний или сходбищ, масонских лож и других тому подобных потаенных и нелепых сборищ...» ⁹.

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, СПб., 1790, стр. 363, 387 и др.

² А. Н. Радищев. Собр. соч., под ред. Каллаша, т. II, СПб., 1907, стр. 606.

³ Там же, стр. 680.

⁴ Е. Р. Дашкова. Записки, СПб., 1906, стр. 221.

⁵ ЦГАДА, ф. 1261, д. 43, л. 364.

⁶ Там же, л. 365.

⁷ А. В. Храповицкий. Дневник, М., 1901, стр. 199.

⁸ А. Н. Радищев. Собр. соч., т. II, стр. 564.

⁹ ЦГАДА, ф. 168, д. 179, л. 1.

Эти распоряжения, совпавшие с появлением книги Радищева, выполнялись с надлежащей строгостью. Современники рассказывают, что императрица сама рассматривала «все списки членов как тайных, так и вольных ученых собраний», и что некоторые из них «были лишены своих должностей и велено было выехать им из Петербурга»¹. В обеих столицах были закрыты клубы и литературные кружки; в общественных местах, в трактирах и на рынках строго стали следить за тем, чтобы «не нарушалось запрещение говорить о политике»², частная переписка стала подвергаться перлюстрации³.

Известия об аресте Радищева, о следствии над ним и о решении суда быстро разнеслись по городу и привлекали к себе всеобщее внимание, взволновали умы. В гостином дворе, рассказывает сын Радищева, Павел, торговцы, «узнав о его несчастье, были в отчаянии и плакали»⁴. Для всех демократически настроенных людей того времени Радищев стал тем духовным учителем, который сумел конкретизировать и изложить их собственные мысли и надежды, и в тот самый момент, когда, как свидетельствуют современники, «умы поколебались, обольстились новыми правилами, когда повсюду рассуждали о правах человека, о независимости»⁵.

Изъятие из обращения книги Радищева и суровые полицейские меры, предпринятые правительством против людей, имевших ее на руках, не дали ожидаемых результатов. Правда, исследователи полагают, что укрыть от полиции удалось только около 50 экземпляров, а один из современников рассказывает, что за книгу Радищева «петербургские торговцы платили по 25 рублей, чтобы иметь ее на час и тайком прочитывали ее»⁶. Но уже вскоре, свидетельствуют современники, «в России появились списки с этой книги»⁷. Эти рукописные копии стали продаваться из-под полы, передаваться друг другу и умножились по мере их распространения. Вскоре «Путешествие из Петербурга в Москву» облетело всю Россию и стало известно всем передовым людям того времени.

Все меры предосторожности, которые начало принимать царское правительство, не отразились на поступлении сведений о французской революции в Россию. Книжные лавки, торговавшие иностранными изданиями, продолжали печатать в «С-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» объявления о получении «новейшего рода (т. е. французских — М III) книг и других изданий»⁸, об «имеющихся для продажи новопривезенных из Парижа эстампах»⁹ и т. д. Многие владельцы книжных лавок, торговавших иностранной книгой, выполняли отдельные заказы на выписку различных парижских изданий. Московский книготорговец Куртене в апреле 1791 г. оповещал «любителей французской литературы», что он на четыре месяца уезжает в Париж и «принимает любые поручения, имеющие отношение к его торговле, которые захотят ему доверить»¹⁰.

¹ С. А. Тучков. Записки СПб, 1908 стр. 43

² Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France Russie, t II, Paris, 1890, стр. 494

³ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века, Пгр., 1915

⁴ «Русский вестник», 1858, декабрь, т. 18, стр. 409

⁵ П. Сумароков. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой, т. III, СПб., 1832, стр. 67

⁶ С. F. R. Masson. Указ соч., т. II, стр. 180

⁷ Г. фон Гельбиг. Русские избранники, Берлин, 1900, стр. 493

⁸ «Московские ведомости», 1790, № 82, стр. 1111

⁹ «С-Петербургские ведомости», 1791, № 50, стр. 1033

¹⁰ «Московские ведомости», 1791 № 32 стр. 557

Вместе с тем «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», как и «Политический журнал», продолжали в каждом очередном номере давать подробные сведения о событиях во Франции. Однако если эти сообщения продолжали подробно освещать ход революции во Франции, то тон изложения заметно менялся, приобретая все более реакционный характер; в 1791 г. уже не находится других слов для определения французской революции, кроме как «гибельное безначалие» и «всенародное бедствие»¹, а революционных клубов,— как «дьявольское оружие, устроенное для низвержения французского народа в бездну»².

Русская печать продолжает внимательно следить за разногласиями, возникшими между господствующей верхушкой буржуазии, которая «утверждает, что Народному собранию необходимо пересмотреть все свои положения, исправить оные и возратить королю столько власти, сколько для самодержавного правления нужно»³, средней группой, «утверждающей, что должно остаться при своем (т. е. настоящем.— М. Ш.) уложении»⁴ и представителями широких народных масс и мелкой буржуазии «Робеспьером, Бюзотом, Петионом с поборниками своими, желающими республиканского правления»⁵.

В обеих газетах нашли свое отражение все наиболее значительные события в Париже. Смерти Мирабо были посвящены пространные сообщения, в которых говорилось, что «в последние месяцы жизни внимание свое он обращал наиболее на то, чтобы здесь, в Париже, восстановить, во-первых, совершенную тишину и порядок, а потом исполнительную власть короля... поставить на твердом основании...»⁶. В ряде номеров даются сведения о революционной деятельности Марата, который «подает народу совет г. де Ла Файетта, частных начальников парижского мещанства и большую половину Национального собрания предать смерти»⁷. Сообщается о выступлении в печати «письмоводителя якобинского клуба г. Роберта», в котором «он открывает путь для превращения Франции в республику»⁸. Целые страницы в обеих газетах отводятся отчетам о заседаниях Национального собрания и описаниям уличных беспорядков, вызванных «необузданной чернью».

Сообщения о бегстве короля и его семьи, об аресте их в Варенне и возвращении в Париж под охраной народной гвардии произвели в России огромное впечатление. «Политический журнал» писал по этому поводу, что «происшествия во Франции обращают ныне на себя толико всеобщее внимание, что они каждое любопытное участие, которое публика могла бы принимать в разных других происшествиях, ослабляют и почти уничтожают»⁹. Обе газеты давали подробное описание всех событий, связанных с бегством короля и его семьи, их вынужденным пребыванием в Тюильри, где «чиновники национальной гвардии, сии первейшие разбойники, стерегут благотворительного государя, добродетельнейшую государыню и трепещущего от страха шестилетнего наследника престола»¹⁰. Большое место в газетах отводилось бурным

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 28, стр. 478.

² Там же, № 65, стр. 1306.

³ Там же, № 60, стр. 1221.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, № 39, стр. 715.

⁷ «Московские ведомости», 1791, № 43, стр. 708.

⁸ Там же, № 34, стр. 576.

⁹ «Политический журнал», 1791, т. IX, стр. 174.

¹⁰ «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 59, стр. 1199.

прениям в Национальном собрании, вызванным бегством короля. Сообщалось о позиции, занятой в этом вопросе отдельными партиями: «якобинский клуб склонен к жестоким мерам, другие же почитают короля обманутым и делают заключение, что он со временем будет наилучшим королем. Еще иные хотят монархическое правление Франции преобразить в республиканское»¹. Дословно приводились отдельные выступления депутатов, их высказывания о том, что «король французскому народу не только не нужен, но даже тягостен, что сей народ никакой более доверенности иметь не может к такому человеку, который, соделавшись вероломным, старался спастись бегством...»².

Июльский номер «Политического журнала» почти целиком был посвящен событиям во Франции. В своей вступительной статье редакция писала, что, «несмотря на все нападки фанатиков вольности», журнал «при самом начале французского переворота» не переставал утверждать, что «дела во Франции не могут так оставаться»³. На этот раз редакция отмечала, что они существенно изменились, и «дальнейшие известия из Франции... доказывают возрастающее от часу далее смятение и замешательство, кон угрожают ужаснейшими следствиями»⁴. Журнал призывает своих читателей внимательно следить за событиями и остерегаться пропаганды «фанатиков вольности», указывая, что «одно из главных пособий французских обольстителей народа есть подделка и коверканье происшествий и представление вещей с ложной стороны»⁵.

В последующие месяцы печать начинает систематически сообщать о неизбежности карательного похода монархических стран против Франции. «Европейские государи должны отомстить за поношение Людовика XVI,— писал «Политический журнал»,— когда не хотят сами подвергнуться великим опасностям, они должны истребить систему безначальства, когда не хотят, чтобы французская зараза распространилась по всей Европе»⁶. «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», как бы вторя этим сообщениям, печатают чуть ли не в каждом очередном номере сообщения о том, что «Франция должна ожидать со стороны чужестранных держав неприятельского нашествия»⁷, что «восемь держав заключили между собой союз для восстановления власти и силы Людовика XVI»⁸, что «император сам войсками против преобразователей Франции предводительствовать будет»⁹.

В связи с этими сообщениями осенью 1791 г. в Петербурге и Москве упорно начали говорить о близкой войне с Францией. Современники свидетельствуют, что в «гостином дворе было замечено большое волнение: народ не стесняясь осуждает войну, которая, как он думает, угрожает» Франции¹⁰. Эти настроения нашли отражение в неопубликованной поэме «Горлицы», автором которой был один из редакторов журнала «Зритель» — А. И. Клушин. В поэме монархические державы были изображены в виде воронов, готовившихся напасть на горлиц, только что договорившихся жить в дружбе и «питать себя своими тру-

¹ «Московские ведомости», 1791, № 58, стр. 910—911.

² «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 60, стр. 1219.

³ «Политический журнал», 1791, т. VII, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 179.

⁵ Там же, стр. 34.

⁶ Там же, т. VIII, стр. 67.

⁷ «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 69, стр. 1393.

⁸ «Московские ведомости», 1791, № 73, стр. 1126.

⁹ «С.-Петербургские ведомости», 1791, № 72, стр. 1443.

¹⁰ Recueil des instructions..., т. II, стр. 520.

дами, а не похищать насилем». Естественно, что после дела Радищева подобные произведения не могли появляться в печати.

1792 г. начался в сложной и напряженной обстановке. Екатерина II проявляла большую активность в сколачивании коалиции европейских монархий против французской революции, призывая их во имя «цивилизации и порядка» к крестовому походу против «якобинского варварства». Чувствовалась неизбежность вооруженного столкновения между революционной Францией и монархической Европой. Казалось, все уже было готово для начала военных действий, как вдруг 1 марта 1792 г. скоропостижно умер один из главных организаторов «крестового похода» против Франции император Священной Римской империи Леопольд II; две недели спустя, 16 марта, на балу в Стокгольме был убит другой участник подготавливавшегося похода против революционного Парижа король Швеции Густав III. В правящих кругах тогдашней Европы никто не сомневался, что виновниками этих убийств (тогда считали, что австрийского императора отравили) были якобинцы.

В Петербурге эти известия произвели большое впечатление. При дворе, рассказывает секретарь императрицы А. М. Грибовский, «распространился слух, что французские демагоги рассылают подобных себе злодеев для покушения на жизнь государыни»¹. Во дворце и в салонах столицы открыто заговорили о существовании тайного заговора якобинцев, направленного к уничтожению всех коронованных особ, и что после Леопольда II и Густава III на очереди стоит Екатерина II; передавались слухи о том, как в Париже мэр Петион держал пари, что к 1 июня Екатерины II уже не будет в живых, и о том, как Маццей в Варшаве уверял всех, что это должно случиться еще до начала мая².

В начале апреля 1792 г. было получено секретное сообщение из Берлина о том, что в Петербург выехал француз Бассевиль «с злым умыслом на здоровье ее величества»³. Из ряда записок Екатерины на имя обер-полицмейстера Петербурга Н. И. Рылеева видно, насколько сама она была встревожена этими сообщениями⁴. В столице «были взяты предосторожности... Даны указы Кашкину и Токареву, чтобы строго смотреть за приезжающими в Царское Село и Софию»⁵. В ряде секретных указов предписывалось «допрашивать пассажиров»⁶, приезжавших в Кронштадт, и не допускать «в пределы империи некоего француза по имени Бассевилья и других подобных ему, предпринимающих путь в Россию»⁷. В Петербурге начались повальные обыски преимущественно среди французов, сочувствовавших переменам, происшедшим во Франции. Полиция рылась в их вещах, забирала их письма и бумаги. Многие из них были задержаны. Полиция зорко следила также за зданием французского посольства⁸. В окружении императрицы при дворе ходили упорные слухи, что резиденция французского поверенного в делах Жене является убежищем для якобинских агентов, замышлявших на жизнь Екатерины II⁹.

¹ А. М. Грибовский. Записки, М., 1864, стр. 513.

² Сб. РИО, т. 23, стр. 565.

³ А. В. Храповицкий. Указ. соч., стр. 231.

⁴ «Исторический вестник», 1881, февраль, т. II, стр. 465.

⁵ А. В. Храповицкий. Указ. соч., стр. 231.

⁶ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. X, д. 201, л. 1.

⁷ Там же, разр. XVI, д. 696, ч. 1, л. 234.

⁸ Recueil des instruction..., т. II, стр. 525.

⁹ Там же.

В эти дни двор и столичное дворянство в России зачитывались сенсационными «разоблачениями» аббата Баррюэля, Малле дю Пана и других эмигрантских публицистов. Вся эта литература заядлой реакции, зарождавшаяся в Кобленце и издававшаяся преимущественно в Лондоне, также имелась в большом количестве в книжных лавках Петербурга и Москвы, торговавших иностранной книгой. В этих злобных памфлетах, проникнутых ненавистью к революции, русское дворянство искало объяснения тем невероятным событиям, свидетелем которых оно явилось. В них оно читало о существовании какого-то фантастического международного заговора, направленного против всех монархов, против дворянства, против цивилизации и церкви. Участники заговора — «преступники рода человеческого» — были якобы опознаны, они будто бы оказались франкмасонами, энциклопедистами, мартинистами, жирондистами, являвшимися членами различных обществ или клубов, цели которых были не ясны широкой публике.

В этих условиях правительство обратило особое внимание на деятельность масонов.

Еще за несколько лет до появления книги Радищева в правительственных кругах Петербурга стало складываться мнение о необходимости установить наблюдение за московскими масонами. Огромная по своим размерам и значению просветительная деятельность Н. И. Новикова и его тесная связь с масонскими кругами Москвы давно уже тревожили императрицу. В 1788 г. она предложила отказать ему в продлении аренды на университетскую типографию. В 1789 г. был установлен особый надзор за московскими масонами. В 1790 г. Екатерина высказала мнение, что Радищев также «исповедует мартинистов учение»¹. Той же точки зрения придерживались двор и столичное дворянство, где зачастую можно было слышать, что «Радищев был из числа так называемых мартинистов»². По мере развития революционных событий во Франции подозрение в отношении московских масонов росло, чему немало способствовала эмигрантская литература. Оно достигло предела весной 1792 г., когда весь дворянский Петербург заговорил о мнимом заговоре якобинцев, направленном якобы против жизни Екатерины II. 9 апреля императрица отдала распоряжение петербургскому губернатору Архарову «искать француза Бассевиля», а четыре дня спустя, 13 апреля, она подписала приказ об аресте Новикова. Одновременно в Москве были опечатаны почти все книжные лавки, имевшиеся в них издания конфискованы, а хозяева их, известные московские книготорговцы Н. Переплетчиков, М. Глазунов, Т. Полежаев, И. Козырев, И. Луковников, П. Вавилов и другие, взяты под стражу.

Все эти события произвели огромное впечатление на современников, которые рассказывают, что «в обществе и даже в народе была тогда молва, что якобинцы и фармазоны, соединясь, умыслили отравить государыню ядом»³. Очевидцы свидетельствуют, что именно «люди, которым французская революция была ненавистна, утверждали» о существовании заговора, «управляемого якобинцами из Парижа»⁴. Имя Новикова, связанное с его многолетней издательской и писательской деятельностью, было широко известно русским людям и придавало еще

¹ А. Н. Радищев. Собр. соч., т. II, стр. 556.

² Ф. Н. Голицын. Записки — «Русский архив», 1874, стр. 1291.

³ А. М. Тургенев. Записки — «Русская старина», 1887, январь, стр. 88.

⁴ А. Т. Болотов. Историческое обозрение всего происходившего в свете в течение минувшего 1792 г. — Гос. библиотека им. Ленина, отд. рукописей, М. 5. 961, л. 25.

больше злободневности разговорам и толкам о существовании тайного заговора. В реакционных кругах Москвы ходила молва, ставившая в вину Новикову «переписку с якобинцами»¹.

Правящие круги старались обострить напряженную обстановку, создавшуюся в стране, и тем самым возбудить общественное мнение против лиц, сочувствовавших французской революции. Не случайно А. М. Тургенев допускает мысль, что все эти слухи «нарочито агентами разглашались»². Слово «якобинец», имевшее до тех пор только узкое значение, связанное с событиями во Франции, приобрело более широкий смысл и было перенесено в русскую действительность. О якобинцах заговорили в определенных кругах, их опасались, их искали вокруг себя. Все, что выходило за рамки общепринятых понятий и обычаев, стало казаться властям и широким кругам дворянства подозрительным, опасным для общественного порядка, могущим иметь связь с якобинством. Один из очевидцев, француз Массон, рассказывает, что в эти дни в России «кличка якобинца становилась гибельной для всякого, кто ее получал..., всякий (нужно понимать, что речь идет о лицах не дворянского сословия.— М. Ш.), кто умел читать и писать, казался крайне подозрительным; тот, кто читал газеты — опасным; тот, кто рассуждал — якобинцем»³. Массон добавляет, что все это «может показаться преувеличенным, но, к сожалению, эти обвинения становились роковыми для тех, кому они предьявлялись»⁴.

В этой политической обстановке положение прогрессивно настроенных людей в России становилось крайне тяжелым. Дальнейшее проявление интереса к событиям во Франции грозило им серьезными последствиями. Да и доступ сведений из Парижа все более затруднялся. Царское правительство не только приняло ряд полицейских мер к искоренению «бунтарского духа», но и строжайше запретило свободное распространение литературы о французской революции. Все получавшиеся книготорговцами из-за границы издания было приказано распечатывать «в присутствии приставленного для того офицера», после чего надлежало «определять губернатору подлинную фактуру, по которой неизвестные книги рассматриваются и вредные отбираются»⁵.

Эти меры, однако, оказались несостоятельными. Сам московский генерал-губернатор кн. А. А. Прозоровский признавал, что «книгопродавцы из единой корысти, как видно, утаивают... и продают оные потаенно»⁶. По всей вероятности поступления литературы из-за границы были столь значительны, что полицейские меры, предпринятые властями, мало сказались на ушедшем в подполье книжном рынке Петербурга и Москвы. Тот же Прозоровский свидетельствует, что летом 1792 г. в Москве «все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно»⁷. На руках у читателей имелись самые разнообразные парижские политические издания, начиная с «Месячной хроники» Кондорсе или «Альманаха папаши Жерара» Колло д'Эрбуа и кончая реакционными листками Маршана «Якобитские шабаши»⁸.

¹ «Русский архив», 1876, т. III, № 11, стр. 273.

² А. М. Тургенев. Указ. соч., стр. 88.

³ С. Ф. Ph. Masson. Указ. соч., т. II, стр. 36—37.

⁴ Там же, стр. 37.

⁵ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, д. 582, ч. IV, л. 128.

⁶ Там же.

⁷ «Русская старина», 1899, апрель, стр. 164.

⁸ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, д. 582, ч. IV, лл. 130; 136; Гос. библиотека им. Ленина, отд. рукописей, М. 5961, лл. 71—72.

Между тем печать заметно начинает дезориентировать читателя. Начиная с 1792 г. «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» все чаще печатают сообщения о «злодеяниях якобинцев», пользующихся «приверженностью всей парижской черни, которую они стараются вооружить копьями и кинжалами»¹. Чуть не в каждом номере сообщается о «якобинских угрозах», о том, что у якобинцев «есть единомышленники не только во Франции, но и в некоторых других государствах»². «Политический журнал» в своем апрельском номере опубликовал сообщение, якобы полученное от одного из членов якобинского клуба, «разоблачившего» существование «распространительного скопища, которое рассеивает по Европе французские основания, поджигает народ к бунтам и старается дворы содержать в беспечности». Далее говорилось, что «перемена во Франции есть только ветерок, возметающий несколько поверхность, в сравнении с той бурей, которая должна ниспровергнуть основание Франции и всех государств»³. Смена министерства во Франции в марте 1792 г. и приход к власти жирондистов были преподнесены в печати как события, передавшие «ведение всех государственных дел в руки якобинского клуба»⁴.

Вместе с тем все реже помещаются сообщения о внутреннем положении Франции. Большое количество номеров обеих русских газет почти целиком посвящается воинствующим антифранцузским декларациям прусского короля, герцога Брауншвейгского и французских принцев, братьев короля. Значительное место в печати отводится сообщениям о военных действиях, начавшихся в апреле 1792 г., о небеспособности французской армии и победах союзных войск, которые «через месяц надеются быть в Париже»⁵. События 20 июня и 10 августа были освещены преимущественно с внешней стороны, как выражение необузданности «бешеной парижской черни»⁶. Об «отчуждении его величества короля французского от престола»⁷ упоминалось только вскользь.

Переворот 10 августа 1792 г. вызвал перелом в отношениях к французской революции со стороны тех слоев русского общества, которые мечтали о реформах в рамках буржуазной монархии и считали их срочными и необходимыми для «лучшей безопасности» России. Они понимали, что «тишина народная есть молчание принужденное, продолжающееся дотоле, пока неудовольствие, постепенно раздражая общественное терпение, наконец не прервет оного» (П. С. Словцов)⁸. Свои надежды на осуществление реформ они возлагали не на народ, который «ко всякому злу ближе, нежели к добру»⁹, а на «государя чувствительного»¹⁰, с тем, чтобы успеть «погасить малую искру, доколе не возгорелось великое пламя»¹¹. В своем отношении к революции они не могли найти

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1792, № 25, стр. 479.

² «Московские ведомости», 1792, № 22, стр. 433.

³ «Политический журнал», 1792, т. IV, стр. 108.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 1792, № 29, стр. 556.

⁵ «Московские ведомости», 1792, № 74, стр. 1228.

⁶ Там же, № 77, стр. 1269.

⁷ «С.-Петербургские ведомости», 1792, № 71, стр. 1370.

⁸ «Памятники новой русской истории», изд. В. Кашпиревым, т. III, СПб., 1873, стр. 401.

⁹ К. Сивков. Указ. ст., стр. 84.

¹⁰ «Памятники новой русской истории», т. III, стр. 401.

¹¹ К. Сивков. Указ. ст., стр. 84.

общих мыслей с широкими слоями населения и с демократически настроенной разночинной интеллигенцией, которые считали, что «государя все тираны, злодеи и мучители» (И. Т. Рожнов)¹, и что, «свергнув власть самодержавия, [надлежит] сделать либо республику, либо иначе какнибудь, чтобы всем быть равными» (Ф. В. Кречетов)².

Если в печати подобные настроения не могли найти своего отражения из-за полицейско-абсолютистского режима в стране, то в личных беседах они неоднократно высказывались. Свидетельством тому является сохранившееся в делах архива Тайной экспедиции большое количество дел за эти годы относительно «дерзких слов о государях» и «возмутительных высказываний» однодворцев, казенных обывателей, ремесленников, мещан и т. д.³ В Петербурге в 1792—1793 гг. существовал тесный кружок друзей, встречавшихся в доме купца Еркова, у которого проживал публицист-разночинец Ф. В. Кречетов. Кроме Кречетова и Еркова, тут бывали мещанин Овчинников, регистратор государственного архива Окулов и писарь Скворцов. Разговоры шли о политике, зачастую обсуждались события во Франции, изображалось «пристойными красками французское уложение»⁴, мечтали о новых законах, способных избавить людей «от ига царского, в котором [они] по слепоте своей страдают», и которые «всему человечеству принесли [бы] пользы»⁵, говорили о необходимости «умы направить к соделанию вольности, а как сие соделается, то уже и самодержавной власти не надобно»⁶. Кречетов «произносил непристойные и укорительные слова на высочайшую честь императорского величества» и «пророчествовал к великому бунту такому, которого еще не бывало»⁷. Такие же высказывания можно было слышать в беседах переводчиков Коллегии иностранных дел, сына канцеляриста, бывшего студента Московского университета И. К. Стрелевского и разночинца И. Н. Буйди. Их разговоры часто шли «о нынешних Франции обстоятельствах», о том, что «русские находятся под тяжким игом самовластного тиранства», и что «было бы очень хорошо, если бы Национальный конвент подумал о способе избавления Франции от такого врага (т. е. от императрицы.— М. Ш.), а людей русских от тиранства»⁸. Подобные речи раздавались не только в столице, но и в провинции. На Полтавщине сельский дяк Романовский «разглашал между простолюдями», что «во Франции все свободны, что сие когда б и у нас скорее сбылось»⁹.

В какой-то мере так чувствовали и думали многие передовые русские люди из средних и низших слоев населения. Возможно, что такие чувства испытывал однодворец Захарьин, заканчивавший на одном из московских чердаков осенью 1792 г. свой фантастический роман, халдейскую повесть «Арфаксад», где он изображает страну равноправия, свободы и братства¹⁰. Подобные настроения могли существовать и в

¹ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 2916, л. 1.

² Там же, д. 2813, л. 186.

³ Там же, дд. 2786, 2806, 2813, 2815, 2831 и др.

⁴ Там же, д. 2863, л. 6.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 199.

⁷ Там же, л. 5.

⁸ К. В. Сивков. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века — «Исторические записки», т. 19, стр. 95.

⁹ Л. Коваленко. О влиянии французской буржуазной революции на Украину — «Вопросы истории», 1947, № 2, стр. 84.

¹⁰ П. К. Алефиренко. Общественное движение в Москве во второй половине XVIII столетия — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1947, № 6, стр. 525.

кружке «ученых россиян», в свое время участвовавших в «Обществе друзей словесных наук», а теперь переведивших книгу «Новейшее повествование — землеописание всех четырех частей света», где выражались доброжелательные чувства к происшедшим во Франции переменам. Один из переводчиков, бывший студент Московского университета М. И. Антоновский несколько позднее писал, что «когда толь подлая, низкая, злоковарная, гнусная, вредная человечеству всему и разрушавшая все его благоденствие порода занимает в Европе престолы, так скажите, грех ли истребить оную?»¹

Нет сомнения, что опасения царской полиции в отношении лиц непривileгированных слоев населения, читавших газеты, в известной степени были обоснованными.

Казнь короля (21 января 1793 г.) глубоко потрясла правящие круги России. Царское правительство, порвавшее дипломатические отношения с Францией еще в 1792 г., теперь ответило на казнь Людовика XVI указом от 8 февраля 1793 г. о расторжении торгового договора с Францией, заключенного в 1786 г., о запрещении впускать в русские порты французские суда и в пределы империи — французских граждан и французские товары². Русская печать с нескрываемым ужасом отметила «страшное злодеяние в Париже»³, и если «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» ограничились довольно краткими сообщениями, повидимому, не желая разглашать столь «вопиющее злодеяние», то «Политический журнал» поместил подробное описание казни короля на 30 страницах⁴.

Эти сообщения о революции были одними из последних, появившихся в русской печати, после чего газеты вовсе перестали помещать какие бы то ни было известия о внутреннем положении во Франции, рассчитывая, повидимому, замалчиванием революции снизить интерес к ней и приостановить распространение «бунтарского духа» в России. Таким образом, русский читатель лишился своего основного источника информации о ходе революции во Франции. В 1793 г. современники жаловались, что «газеты наши издавна мало нам сообщают нового: мы уже привыкли ничего не знать, что делается, и [если] знаем что-нибудь, так уж из известий, сообщаемых нам иностранными ведомостями»⁵.

Но и эти сведения становились все более редкими. Указ от 8 февраля 1793 г. запрещал также «ввозить в Россию ведомости, журналы и прочие периодические сочинения, во Франции издаваемые». Одновременно в Петербурге и в Москве были произведены обыски в книжных лавках, торговавших русской и иностранной книгой, и по предписанию правительства были отобраны все издания, «клоняющиеся к развращению или относящиеся к правлению, а паче к французской революции или о кончине покойного короля французского»⁶. В портовых и пограничных таможнях была установлена цензура для проверки литературы, поступавшей из-за границы, и все книги, «имеющие какое-либо отношение к французской революции и способствующие только сохранению в памяти преступных злодеяний, которым предавались крамоль-

¹ «А. Н. Радищев». Материалы и исследования, М., 1936, стр. 221.

² I ПСЗ, т. XXIII, № 17101.

³ «С.-Петербургские ведомости», 1793, № 12, стр. 240.

⁴ «Политический журнал», 1793, т. II, стр. 8—37.

⁵ А. Т. Болотов. Богородский вестник или обозрительная история происшествий во всем свете в 1793 г., ч. 1 — Гос. библиотека им. Ленина, отд. рукоп., М. 5962, лл. 241—242.

⁶ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 2797, л. 3.

ники, терзающие Францию уже 5-й год»¹, отбирались и сжигались тут же при таможенных. При петербургской таможене было сразу сожжено 490 книг², в Москве в то же время было предано огню 825 книг, среди которых, между прочим, оказалась и шекспировская трагедия «Юлий Цезарь» в переводе Н. М. Карамзина³. По этому поводу один из видных чиновников екатерининской администрации, председатель юстиц-коллегии, говорил: «Пусть лучше сотня хороших книг будет сожжена, чем проскользнет одна, в которой найдется хоть одно выражение, имеющее мало-мальски революционный намек»⁴.

Несмотря, однако, на эти суровые меры царского правительства, книги, издававшиеся во Франции, продолжали проникать в Россию. Их провозили в своих вещах приезжавшие из-за границы путешественники, их пересылали по почте запрятыми среди других товаров. Рижский книготорговец Гарткнох получал французские издания «по листам, по одиночке», в которые были завернуты другие книги, не вызывавшие подозрения у цензуры⁵. Потом эти листы брошюровались в книги и попадали на книжные рынки Петербурга и Москвы.

Чем меньше появлялось французских книг, тем больше повышался на них спрос на подпольном книжном рынке обеих столиц. В Петербурге их можно было достать в книжных лавках «у братьев Ге, у Клостермана и у Вейтбреха»⁶; в Москве у Бабера и у Куртене также имелись «книги о революции французской и сочиненные во время оной»⁷. Некоторые из этих изданий, покупавшихся из-под полы, переводились на русский язык и доходили до широких кругов читателей. Студенты Московского университета И. Венсович и Д. Теодоровский зарабатывали этим путем себе на жизнь⁸. По свидетельству одного огултелого реакционера, крайне озлобленного наблюдавшимися в то время брожением умов, «народ, состоящий из попов, стряпчих, профессоров, бродяг...», проявлял особый интерес к этой литературе и «с жадностью бросался на все произведения газетчиков и журналистов, философов, политиков, законодателей и прочих возмутителей народного духа»⁹.

В период якобинской диктатуры во Франции особенное значение для этого круга читателей приобретает русская подпольная литература, политические памфлеты, или, как их тогда называли, «подметные письма». Современники говорят, что «никогда не было в народе в Москве столько едких сатир и пасквилей, как ныне»¹⁰ (т. е. в 1793—1794 гг.). Эти сочинения, непосредственно отражавшие русскую действительность, выдвигали наиболее острые вопросы, стоявшие в те дни перед русскими людьми «третьего чина». В одном из таких сочинений, обнаруженных в Петербурге в 1794 г., автор, несомненно принадлежавший к разночинной интеллигенции, выступал в защиту тех, кто учился, кончал университеты, а теперь вынужден работать копиистом, «Большая

¹ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, ч. IV, д. 582, л. 130.

² Там же, д. 582, лл. 133—136.

³ А. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры, СПб., 1892, стр. 74.

⁴ Там же.

⁵ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 3067, л. 4.

⁶ Там же, д. 2797, л. 37.

⁷ Там же, разр. XVI, ч. IV, д. 582, л. 129.

⁸ Там же, разр. VII, д. 2797, л. 9.

⁹ «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах», СПб., 1793, стр. 4—5, 79—80.

¹⁰ А. Т. Болотов. Памятник протекших времен, или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах, М., 1875, стр. 91.

часть ученых претерпевает с ними равную участь»¹. В другом рукописном сочинении, «Благовесть Израилю российскому», ходившем по рукам в западных областях России, были затронуты самые наболевшие вопросы того времени — о правах на имущество, о земельной собственности, об исторических причинах, породивших дворянство и крепостное право; о создании в стране нового государственного и общественного строя, при котором можно будет «народ весь российский и славянский из крепости освободить [и] все звания дворянские, господские, графские, княжеские вовсе уничтожить»².

Кроме книг, в Россию также «привозились секретно» и французские эстампы на революционные темы и злободневные карикатуры³. В Петербурге, как отмечалось в тайных донесениях, ими торговали «публично и секретно»⁴. В Москве в лавке у итальянца Роспини их было найдено 215 экземпляров⁵. Некоторые из этих литографий, попадавшие в Россию в ограниченном количестве, тайно перепечатывались в русских типографиях. В ноябре 1793 г. в Москве были обнаружены «эстампы смерти короля французского», которые, как это удалось выяснить полиции, были перепечатаны в «Сенатской типографии... по повелению содержателя типографии отставного поручика Огорокова»⁶ и продавались тайно «разным людям»⁷. Вместе с французскими революционными эстампами по рукам ходили также и политические карикатуры на темы из русской жизни. Очевидцы отмечают, что «вошел и у нас манер осмеивать и ругать знатных картинами»⁸. В Москве, пишет А. Т. Болотов, «более сорока фамилий сим образом разруганы»⁹. Больше всего досталось командующему московским гарнизоном, владельцу крупных винокуренных заводов, кн. Ю. В. Долгорукову, возбудившему против себя население столицы своим приказом ночью «в домах сделать обыск»¹⁰ для выявления беспаспортных, что наделало «большой шум»¹¹ и «встревожило Москву»¹². В карикатурах он был представлен сидящим верхом на бочке с вином, окруженный простым народом, которому он кричал: «Сюда, сюда ребята! вино дешевое, хорошее. А осье не узнают, что я генерал». В это время кн. Гагарин выгребал лопатой у него из-под ног деньги¹³. Другой московский вельможа-богач, граф А. Г. Орлов, содержатель знаменитых конюшен, был изображен погоняющим лошадей с надписью: «Гоняю лошадей, могу гонять и людей»¹⁴.

Повидимому, власти не ожидали столь резкого проявления «бунтарского духа» и старались пресечь его суровыми полицейскими мерами. Но полиции было трудно уследить за ходившими по рукам запрещенными книгами, рукописями и карикатурами и, тем более, напасть на след сочинителей. «В таких обстоятельствах,— писал московский гене-

¹ К. В. Сивков. Подпольная политическая литература..., стр. 83.

² А. Белик и Ю. Кононов. Новый документ по истории русской общественной мысли конца XVIII века — «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 103.

³ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 2797, л. 14.

⁴ Там же, л. 13.

⁵ Там же, л. 15.

⁶ Там же, л. 11.

⁷ Там же.

⁸ А. Т. Болотов. Памятник протекших времен..., стр. 91.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 196, д. 1605, л. 64.

¹¹ Там же.

¹² ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI, д. 572, л. 28.

¹³ А. Т. Болотов. Памятник протекших времен..., стр. 91.

¹⁴ Там же.

рал-губернатор кн. Прозоровский,— от меня и от полиции крайне остерегаются»¹. Поэтому властям редко удавалось задерживать провинившихся с поличным. Все же запрещенная рукописная литература была обнаружена, например, в Петербурге у крестьянина на отходе Иевлева, «жившего на бирже»², и у аудитора гренадерского полка В. Елфинова³, и в Москве у таганского купца Смыслова, который, опасаясь, «чтобы и у него в доме не сделалось обыску»⁴, держал эти сочинения в ящике, зарытом в земле. Лица, читавшие эту литературу, подвергались наказанию, а сочинения сжигались, как это было, например, в Тихвине, где в 1794 г. был публично сожжен на городской площади «перед лицом собрания всех тамошних жителей» найденный политический памфлет, «наполненный вредными мыслями»⁵.

Тайных авторов и переводчиков этих запрещенных сочинений современники видели в людях «из мещанского и крестьянского состояния происходящих, [которые] по счастью или по некоторым отличным душевным дарованиям и познаниям, на несколько ступеней восходят [над остальными]»⁶. Это они «стараятся показать себя добродетельными наставниками мещан и крестьян, возбуждать их словами и сочинениями к различным околичностям», проповедуя «вольность наших времен явно или скрытно»⁷. Подобные настроения, направленные против разночинной интеллигенции, повидимому, охватили широкие круги дворянства, считавшие, что «вихрь антихристианского и якобинского клуба вскружил некоторым головы и [влил] яд в тугие жилы нашего тела»⁸. По этому поводу в июне 1793 г. гр. С. Р. Воронцов писал императрице: «это вообще и эпидемическое брожение, которое подтачивает с невероятною яростью все страны, и дух преобразования и общего равенства... вскружили голову всем людям, относящимся к третьему сословию и народу»⁹.

Недоверие к лицам не-дворянского сословия нашло отчасти свое отражение в указе от 1 февраля 1794 г., гласившем, что «отныне и впредь ни в какие по двору нижние должности, как-то в официанты, камер-лакеи, истопники и работники, из вольных и другого разного звания и состояния людей не принимать..., а намещать все таковые должности из детей придворных служителей»¹⁰.

Полиция особенно зорко следила за гостиными дворами Петербурга и Москвы. Современники рассказывают, что все трактиры и биржа кишели царскими сыщиками. По ночам производились аресты лиц, вызывавших подозрение властей. Один из московских старожилов, В. А. Юни, служивший с 1792 г. в одном из полевых мушкетерских батальонов, рассказывает, что в эти годы ему не раз приходилось стоять на карауле в доме, где помещалась Тайная экспедиция. Он был свидетелем допрос, как по ночам привозились арестованные, после чего начинался допрос, «о котором свидетельствовали жалобные вопли и

¹ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 2797, л. 11.

² Там же, д. 2793.

³ Там же, д. 2865.

⁴ ЦГАДА, ф. 250, в. 399, д. 5, л. 5.

⁵ М. Гернет. Из истории карательной политики царизма второй половины XVIII века — «Советская юстиция», 1939, № 17/18, стр. 25.

⁶ «Любопытный разговор в царстве живых о французской революции...». М., 1793, стр. II—III.

⁷ Там же, стр. III.

⁸ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. VII, д. 2826, л. 8.

⁹ ЦГАДА, ф. 179, д. 371, л. 9.

¹⁰ I ПСЗ, т. XXIII, стр. 488.

крики допрашиваемых»¹. Юни добавляет, что «многие взятые... были ссылаемы»². Высылка из Петербурга и Москвы лиц, не внушавших доверия властям, приняла широкие размеры. Этой участи подверглись издатели «Зрителя» и «С.-Петербургского Меркурия» И. А. Крылов и А. И. Клушин, поэт из крестьян Розов и многие другие, оставшиеся нам неизвестными. Один из переводчиков Руссо, бывший сотрудник Новикова, В. М. Протопопов, которому также было предложено покинуть столицу, рассказывает, как было тяжело «без друзей, без денег, оставив дом и всё»³, уезжать в неизвестность.

В эти годы многие представители разночинной интеллигенции — Кречетов, Попов, Словцов и др. — были заточены в крепости или сосланы на покаяние в монастыри. И. В. Лопухин, отражая настроения правящих кругов, писал в 1794 г., что «адский дух мятежничества, вращаясь в груди единого, более заражает атмосферу тишины и благоденствия общего, нежели тысячи злоупотреблений, неистребимых при сродном заблуждении людям»⁴.

* * *

Изложенный материал позволяет заключить: во-первых, что сведения о французской буржуазной революции 1789—1794 гг. довольно регулярно поступали в Россию, проникали в широкие круги городского населения и в достаточной мере освещали ход и цели революции; во-вторых, что в средних и низших слоях городского населения в России к этому времени было много передовых людей, проявлявших большой интерес к событиям во Франции и сочувствовавших им; в-третьих, наконец, и это самое существенное, что проявлявшееся у передовых русских людей сочувствие революции во Франции было порождено русской действительностью и русской революционной мыслью, развивавшейся в самоотверженной борьбе против феодально-абсолютистского строя, в обстановке крепостнического гнета и суровой полицейской реакции.

¹ «Русский вестник», 1860, январь, т. 25, стр. 644.

² Там же.

³ «Библиографические записки», 1858, № 24, стр. 757.

⁴ И. В. Лопухин. Излияние сердца, чтущего благость единачалия и ужасующегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы, Калуга, 1794, стр. 49.